ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

языкѣ, гдѣ такъ много родственнаго съ армянскимъ. *Утѣшать* по-грузински теперь გუგეშება nugešeba. Это тоже отыменный глаголъ отъ темы გუგეშ nugeš, служащей и основою существительнаго გუგეშო nugeši *утѣшеніе*. Тема же გუგეშ nugeš представляетъ сокращенную форму отрицательнаго повелительнаго გუ გეშინის nu gešinis *не бойся*. Въ древне-грузинскомъ эта полная форма отрицательнаго повелительнаго и употребляется въ значеніи *утѣшать* въ связи съ глаголомъ ცემა ćema *давать*: გუგეშინის-ცემა nugešinis-ćema[1]), т. е. совершенно такъ же, какъ въ древне-армянскомъ *Մխիթար տալ* mćiđar tal.

Мысль же воспользоваться словомъ *Մխիթար* mćiđar въ качествѣ имени подсказана, повидимому, сирійской практикою употребленія библейскаго имени *Наумъ*, что на еврейскомъ (נחום) значитъ *утѣшитель*.

Н. Марръ.

حَوْب или جَوْب? Верблюдъ или ведро?

1.

Въ статьѣ «Al-Farazdak's Lieder auf die Muhallabiten», напечатанной въ третьей книжкѣ Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellschaft за 1905 г., т. 59,589—622 авторъ, Jos. Hell, на стр. 605 предлагаетъ легкую коньектуру, а именно замѣну рукописнаго чтенія حَوْبٍ, принятаго первымъ издателемъ дивана, Boucher, словомъ جَوْبٍ. Вся коньектура, слѣдовательно, состоитъ въ прибавленіи точки къ одной буквѣ. Единственная сохранившаяся рукопись дивана ал-Фараздака, которая и легла въ основаніе изданія Boucher, — въ общемъ очень хороша, богато вокализована и достаточно древняя, такъ что ея текстъ заслуживаетъ полнаго вниманія и бережнаго обращенія, но, понятно, прибавленіе діакритической точки къ буквѣ, тамъ, гдѣ смыслъ того требуетъ, всегда можетъ быть допускаемо и, строго говоря, не составляетъ и коньектуры въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ какъ даже въ обильно снабженныхъ гласными и діакритическими знаками рукописяхъ сплошь да рядомъ остаются безъ такихъ знаковъ отдѣльныя буквы. Единственнымъ условіемъ для такого незначительнаго уклоненія отъ ру-

---

1) Въ ново-грузинскомъ: გუგეშინის-ცემა nugešis-ćema.

кописнаго чтенія является его цѣлесообразность. Посмотримъ, имѣется-ли это условіе въ данномъ случаѣ? Получается-ли лучшій во всѣхъ отношеніяхъ смыслъ, когда мы съ авторомъ статьи прочтемъ جَوْبٍ вмѣсто حَوْبٍ, принятаго Boucher[1])? Но предварительно намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о д-рѣ Joseph Hell'ѣ и о самой статьѣ.

2.

Dr. J. Hell уже нѣсколько лѣтъ занимается ал-Фараздакомъ. Его усердію и настойчивости мы обязаны окончаніемъ прерваннаго безвременной кончиной Boucher изданія дивана поэта: въ 1900 г. появилось въ Мюнхенѣ фотолитографическое изданіе: Divan des Farazdak. Zweite Hälfte. Nach der einzigen in Constantinopel (Hagia Sophia) befindlichen Handschrift in photolithographischer Wiedergabe und mit Reimlexicon und Eigennamenverzeichnis zu sämmtlichen Farazdak-Gedichten von Dr. Joseph Hell, въ 1901 г. Divan des Farazdak. Zweite Hälfte. B. Nach Boucher's Copie der Constantinopler Handschrift in photolithographischer Wiedergabe und mit Reimlexicon und Eigennamenverzeichnis, а въ 1903 г. интересный біографическій очеркъ ал-Фараздака: J. Hell. Das Leben des Farazdak nach seinen Gedichten und seinem Loblied auf al-Walīd ibn Jazīd. Div. 394. Text, Uebersetzung und Commentar. Leipzig. (O. Harrassowitz). Теперь д-ръ Хеллъ осуществилъ счастливую мысль: подробнымъ объясненіемъ одной группы стихотвореній ал-Фараздака облегчить использованіе для исторической и культурноисторической цѣли богатыхъ матеріаловъ, которые даетъ ал-Фараздакъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей политической, партійной поэзіи омейядскаго времени. Д-ръ Х. выбралъ на этотъ разъ пьесы, направленныя противъ знаменитаго полководца и политика ал-Мухаллеба и его родственниковъ. Само собою разумѣется, что всѣ пріемы, выработанные наукой для подобныхъ работъ, соблюдены вполнѣ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Авторъ сообщаетъ намъ во введеніи (ZDMG. 59,590), что онъ старается дать по возможности достовѣрный текстъ и переводъ («ich versuche im Folgenden den Text und die Uebersetzung nach Möglichkeit zu sichern»). Для достиженія хорошаго

---

1) Divan de Férazdak etc. publié par R. Boucher. Paris, 1870. Текстъ, стр. ٣٠ — ٣١. Стихотвореніе это было перепечатано В. Ѳ. Гиргасомъ и мною въ нашей хрестоматіи, стр. 516—17 и мой покойный дорогой другъ и учитель, равно какъ и я самъ, много разъ читали и объясняли своимъ слушателямъ всю пьесу и никогда не находили нужнымъ отступать отъ чтенія حَوْبٍ.

текста онъ разыскивалъ въ цѣломъ рядѣ лексикографическихъ, грамматическихъ, антологическихъ и историческихъ сочиненій цитаты изъ ал-Фараздака. Для достиженія же правильнаго пониманія и объясненія авторъ совершенно раціонально поставилъ себѣ задачею объяснять ал-Фараздака по возможности изъ собственнаго его дивана[1]), для каковой цѣли онъ очевидно составилъ себѣ полный глоссарій къ стихамъ поэта, какъ явствуетъ изъ многихъ мѣстъ статьи. Кромѣ того онъ привлекъ къ сравненію диванъ друга-современника ал-Фараздака, ал-Ахталя, и наконецъ для параллелей съ другими древними поэтами могъ, какъ онъ съ благодарностью заявляетъ[2]), пользоваться богатыми лексическими матеріалами, собранными его учителемъ, профессоромъ Фр. Хоммелемъ. Такимъ образомъ онъ приступилъ къ своей задачѣ во всеоружіи современныхъ научныхъ пріемовъ, и при бѣгломъ чтеніи его работы получается впечатлѣніе несомнѣнно выгодное. Переводъ сдѣланъ «буквальный», т. е. тѣмъ излюбленнымъ многими переводчиками съ арабскаго деревяннымъ языкомъ, который даже для спеціалистовъ остается иногда непонятнымъ безъ справки съ подлинникомъ. Въ комментаріи имѣются обильныя ссылки на большіе арабскіе словари, на «Sprachgebrauch» поэта и на параллельныя мѣста и выраженія другихъ, преимущественно древнихъ, поэтовъ. Не забыта и современная научная литература, путешествія и т. д. Еслибъ всего этого не было, то статья д-ра X., конечно, и не попала бы въ ZDMG, редакторомъ которой состоитъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ арабистовъ, долгое время самъ занимавшійся спеціально древне-арабской поэзіей.

3.

Вернемся теперь къ нашей темѣ и разсмотримъ вопросъ о جوب — حوب. Приведемъ прежде всего весь стихъ съ переводомъ и объясненіями д-ра X. — ZDMG. 59,605, z. 4—14.

١٠ وَمَا وَجِعَتْ أَزْدِيَّةٌ مِنْ خِتَانَةٍ ولا شَرِبَتْ فِي جِلْدِ جَوْبٍ مُعَلَّبِ

10. Und noch nie hat eine Azditin den Schmerz einer Beschneidung gefühlt und nie getrunken aus dem Leder eines Melkeimers.

---

1) L. c. 590, примѣч. 2. «Es war mein Bestreben, Farazdak soweit als möglich aus seinem eigenen Dīwān zu erklären».

2) Ibid.

Statt جوب bei Boucher lese ich جَوْب, das sich allerdings auch an keiner anderen Stelle findet. — Die عُلْبَة ist nach al-Azharī (L. A. II 119) ein Gefäsz aus getrockneter Kamelhaut, das der Beduine als Trink- und Melkgefäsz benützt und wegen seiner Unzerbrechlichkeit und seines leichten Gewichtes schätzt. Zu جِلْد مُعَلَّب, «zur ʿUlba geformtes Leder» vgl. al-Kumait's الجلود المُعَلَّب L. A. l. c., wo die Herstellung der ʿUlba genau beschrieben wird.

Изъ перевода мы видимъ, что д-ръ X. арабскія слова جوب معلّب передаетъ черезъ одно нѣмецкое Melkeimer, т. е. подойникъ, что противорѣчитъ весьма строго имъ же соблюдаемому принципу буквальнаго перевода. Такъ какъ جَوْب по свидѣтельству арабскихъ словарей (L. A. I 279, l. 2, T. A.[1]) I 193, l. 5) — большое ведро الدلو العظيمة или الضخمة, т. е. именно такое ведро, которымъ черпаютъ воду изъ колодца, можно было бы думать, что д-ръ X. значеніе Melkeimer получилъ изъ эпитета مُعَلَّب, истолковавъ это слово какъ причастіе страд. отъ глагола عَلَّبَ = онъ сдѣлалъ *ʿулбу*, عُلْبَة, т. е. подойникъ изъ кожи или же бурдюкъ. Тогда мы получили бы для مُعَلَّب значеніе «превращенный въ *ʿулбу*», т. е. въ подойникъ или бурдюкъ. Такимъ образомъ переводъ черезъ «Melkeimer» могъ бы въ крайнемъ случаѣ казаться допустимымъ, но изъ комментарія видно, что д-ръ X. эпитетъ معلّب относитъ не къ جوب, а къ جلد, и придаетъ ему значеніе «zur ʿUlba geformtes» (Leder). Тогда онъ долженъ былъ перевести ... aus dem zur ʿUlba geformten Leder eines Gaub или, болѣе понѣмецки: aus dem zum Melkeimer geformten Leder eines grossen Eimer's. Грамматика арабская, правда, вполнѣ допускаетъ отнесеніе эпитета معلّب къ слову جلد, но смыслъ получается при этомъ не менѣе нелѣпый, чѣмъ при нашемъ первомъ предположеніи. Вотъ это-то обстоятельство повидимому и побудило переводчика на этотъ разъ отступить отъ принципа и удовольствоваться вольнымъ переводомъ «aus dem Leder eines Melkeimers», что, какъ будто, никакой безсмыслицы не представляетъ, но и не даетъ никакой новой характерной черты для всей картины. Между тѣмъ самое существованіе тутъ эпитета доказываетъ, что поэтъ хотѣлъ

---

1) Я цитую первые томы T. A. всегда по *второму* изданію. Въ первомъ изданіи указанное мѣсто читается I 205, l. 2 a f.

имъ выразить нѣчто такое, что еще не заключается въ одномъ существительномъ, все равно, отнесемъ ли мы эпитетъ къ слову «кожа» или къ слову «ведро». На вопросъ: почему-же д-ръ X. отнесъ эпитетъ معلّب къ جلد, а не къ جوب — отвѣтъ даетъ комментарій. Стихъ ал-Кумайта, приведенный въ L. A., будто бы подтверждаетъ возможность сочетанія эпитета معلّب съ сущ. جلد, ибо въ немъ имѣется выраженіе الجلود المعلّب. Указаніе на то, что вслѣдъ за стихомъ ал-Кумайта въ словарѣ L. A. дается подробное описаніе какъ дѣлается عُلْبة, вызываетъ въ читателѣ представленіе, что въ этомъ описаніи м. пр. встрѣчается то же самое сочетаніе эпитета и сущ. и что вопросъ такимъ образомъ безповоротно рѣшенъ. Но къ счастью въ словахъ الجلود المعلّب сейчасъ же поражаетъ грамматическая неправильность: слѣдовало бы ожидать الجلود المعلّبة или الجلد المعلّب. Читатель для провѣрки откроетъ L. A. и къ своему немалому удивленію найдетъ тамъ слѣдующее[1]):

.... و المُعَلِّب الذى يَتَّخِذُ العُلْبة قال الكُمَيْتُ يصف خيلا

سَقَتْنا دِمَاءَ القَوْمِ طورًا وتارةً * صَبُوحًا له أَقتارُ الجلُود المُعَلِّب

А на поляхъ глосса издателя

قوله له أَقتار الجلود المعلب كذا انشده فى المحكم وضبط لام المعلّب بالفتح و الكسر

Затѣмъ описывается, какъ дѣлаютъ علبة изъ верблюжьей шкуры. Во всемъ этомъ описаніи не встрѣчаются ни глаголъ علّب, ни причастія معلِّب или معلَّب.

Не трудно видѣть, 1) что стихъ ал-Кумайта долженъ служить доказательствомъ или, какъ говорятъ арабы *свидѣтелемъ* شاهد того, что *ал-му'аллиб* المُعَلِّب означаетъ человѣка дѣлающаго *'улбу* علبة; 2) что д-ръ X. не понялъ стиха ал-Кумайта, въ которомъ нѣтъ рѣчи о шкурахъ обработанныхъ тѣмъ или другимъ способомъ, а говорится о томъ, кто таковыя обрабатываетъ; 3) что не понялъ стиха и издатель L. A., напечатавшій его съ невѣрной вокализаціей, вслѣдствіе чего размѣръ оказался нарушеннымъ,

1) L. A. II 119, стр. 3 снизу. Я списываю точно всю вокализацію.

не говоря уже о смыслѣ, 4) что авторъ ал-Мухкама, Ибн-Сӣда, по всей вѣроятности тоже не понялъ стиха, какъ показываетъ допущенная имъ двойная вокализація المعلِّب, 5) что въ правильномъ видѣ стихъ долженъ читаться такъ:

سَقَتْنَا دِماءَ القوم طورا وتارةً * صَبُوحًا لهُ ٱقْتَارَ الجُلُودَ المُعَلِّبُ [1])

6) что единственный возможный переводъ будетъ такой:

«[Наши кони] поили насъ то кровью враговъ, то утреннимъ напиткомъ (виномъ), для котораго *муʿаллиб* скроилъ круглые куски шкуръ».

Т. е. наши кони то несутъ насъ въ самую сѣчу, гдѣ мы какъ бы пьемъ кровь враговъ, то къ торговцу випомъ. — Первымъ дѣйствіемъ при выдѣлываніи *ʿулбы* является вырѣзываніе круглаго куска верблюжьей шкуры. См. L. A. l. c. и ср. его-же s. v. قور VI 435, строк. 19—21.

Изъ всего этого явствуетъ, что стихъ ал-Кумайта ни коимъ образомъ не можетъ быть приведенъ въ подтвержденіе допустимости выраженія جلد معلَّب «zur ʿUlba geformtes Leder». И пока намъ д-ръ X. не укажетъ дѣйствительно неопровержимаго случая употребленія такого выраженія, мы и будемъ его считать невозможнымъ въ арабскомъ языкѣ.

Сочетаніе-же معلّب съ جوب, какъ мы выше видѣли, можетъ быть и допустимое съ точки зрѣнія языка, даетъ выраженіе настолько деревянное, что приписывать его несомнѣнно талантливому поэту, каковъ ал-Фараздакъ, можно было бы развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ и съ большимъ вопросительнымъ знакомъ.

Спрашивается: остается-ли послѣ всего изложеннаго какая-нибудь причина измѣнить чтеніе, принятое въ изданіи Boucher? Для جَوْب въ значеніи «ведро» самъ д-ръ X. не знаетъ параллельнаго мѣста ни у ал-Фараздака, ни у другихъ арабскихъ поэтовъ. Въ большихъ арабскихъ словаряхъ тоже нѣтъ ничего, кромѣ сухаго объясненія «جوب есть большое ведро». Но д-ра X. очевидно настолько ослѣпилъ стихъ ал-Кумайта съ его мнимымъ доказательствомъ въ пользу выраженія جلد معلَّب, что онъ не

1) Съ такой вокализаціей стихъ дѣйствительно и читается въ прекрасномъ, написанномъ въ 651 г. ас-Сахāхѣ Азіатскаго музея № 429 и въ еще лучшемъ спискѣ ас-Сагāніева مجمع البحرين библіотеки С.-Петербургскаго Университета. См. объ этомъ спискѣ [*Готвальда*]. Описаніе арабск. рук. Казанск. Унив. Казань 1855, стр. 199 и сл. № CXVII и ср. Зап. Вост. Отд. VII, 382. Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что и въ Мюнхенскомъ экземплярѣ ас- Сахāха д-ръ X. нашелъ бы туже самую вокализацію.

потрудился даже посмотрѣть въ словаряхъ то слово, которое онъ хотѣлъ измѣнить, т. е. حَوْب.

Въ диванѣ поэта и въ доступныхъ д-ру Х. коллекціяхъ проф. Хоммеля оно столь же мало встрѣчается какъ и جوب. Самая элементарная осторожность должна была побудить д-ра Х. навести справку въ словаряхъ, прежде чѣмъ рѣшиться на коньектуру, хотя бы столь незначительную, какъ прибавленіе точки. Если бы онъ соблюдалъ это правило, то нашелъ бы въ томъ же словарѣ L. A. I 330, строка 1 s. v. حوب то самое полустишіе, которое насъ занимаетъ, правда, безъ имени ал-Фараздака. Полустишіе приводится со словъ ал-Лейса какъ доказательство того, что حَوْب значитъ «большой верблюдъ». Ал-Лейсъ, полнымъ именемъ ал-Лейс-ибн-Наср-ибн-Сейāр-ал-Хорāсāнī, знаменитый древній филологъ, современникъ и другъ Халīля, жилъ въ первой половинѣ 2-го вѣка гиджры. Такимъ образомъ чтеніе حَوْب такъ сказать документально засвидѣтельствовано для столь древняго времени, что всякая попытка поколебать его правильность была бы настоящимъ преступленіемъ противъ филологіи.

Изъ дальнѣйшихъ сообщеній L. A. съ достаточною ясностью выходитъ, что حَوْب означало именно верблюда-самца. Въ добавокъ L. A. цитуетъ даже и еще одинъ стихъ, въ которомъ неназванный по имени поэтъ свой колчанъ (по арабски кинāна) именуетъ «дочерью верблюда» ابنة حَوْبٍ. Колчанъ былъ сдѣланъ изъ верблюжьей шкуры [1]).

---

1) Ас-Сагāній приводитъ *весь* нашъ стихъ и называетъ при томъ ал-Фараздака тоже подъ словомъ حوب. Позволяю себѣ привести здѣсь все что говоритъ ас-Сагāній о حَوْب = верблюдъ. الحَوْبُ الجَمَلُ قال * هى ابنَةُ حَوْبٍ أُمُّ تسعينَ أَازَرَتْ * اَخَا ثِقَةٍ تمرى جَبَاهَا كَوَائِبُهُ * يصف كِنانَةً عُمِلَتْ من جِلْدَةِ بَعِيرٍ وفيها تِسْعُونَ سَهْمًا وقولهُ اخَا ثِقَةٍ يَعْنِى سَيْفًا وجَبَاهَا حَرْفُها وكَوَائِبُهُ الهاء راجِعَةٌ الى السَّيْفِ يُرِيدُ انّه تقلّد السيف ثمّ تقلّدَ بَعْدَهُ الكِنَانَةَ فذوائِبُ السيف تَمْرِى حَرْفَ الكِنَانة ثمّ كثر حتّى صارَ زَجْرًا للجَمَل وقال الفَرَزْدَقُ * وما وَجِعَتْ ازْرِيَّةٌ من خِتانِها ولاشَرِبَتْ فى جلد حَوْبٍ مُعَلَّبِ * ثم يدخل على حوب الالف واللام ويُجرى مُجْرَى الاسماء كقول الكميت * هَمَرْجَلَةِ الاوب قبل السِياطِ والحوبُ لمَّا يُقَلْ والحَلُ * وحكى بعضُهم حَبُ لا مَشَيْتَ وحَبٍ لا مشيت وحابِ لا مشيت وحابٍ لا مشيت وقال الليث الحَوْبُ الاب والحوبة الامّ والحوَّب الذى يذهب مالهُ ثم يعود الخ. По свидѣтельству лектора ар. яз. г-на Хащаба и нынѣ еще обращаются въ Сиріи къ верблюду съ крикомъ حَوْب حَوْب. Ср. еще Euting, Tagebuch einer Reise in Innerarabien, p. 54. (Я беру эту цитату изъ статьи B. Geiger'a, die Mu'allaqa des Ṭarafa въ Wiener Ztschr. f. d. Kunde des Morgenl. XIX, 349).

4.

Посмотримъ теперь, насколько пригоденъ для حَوْب'а = верблюда эпитетъ معلَّب. Изъ сопоставленія показаній у L. A. II 119, строк. 10 (ناقة معلّبة) съ 120, строк. 4—9 явствуетъ, что معلّب означаетъ верблюда клейменаго *васм*'омъ (или *симой*, سِمَة) называемымъ عِلاب. *Васм*, какъ извѣстно, есть *тавро*, то-же самое, что у кочевниковъ-тюрковъ называется *тамга*. عِلاب былъ тавромъ па опредѣленномъ мѣстѣ тел. Имѣвшій такое тавро верблюдъ и называется معلّب. Мы можемъ перевести этотъ эпитетъ ради краткости «клейменый».

Спрашивается: даетъ-ли этотъ эпитетъ какую нибудь новую, характерную черту? Можетъ-ли его прибавленіе быть признано удачнымъ или, быть можетъ, даже необходимымъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ мы должны поглубже вникнуть въ смыслъ всего стихотворенія. Оно направлено противъ извѣстнаго политическаго дѣятеля и полководца ал-Муhаллеба, побѣдителя опаснѣйшей хариджитской секты Азракитовъ. Ал-Муhаллебъ былъ главой племени Аздъ, которое принадлежало къ такъ называемой іеменской группѣ арабскихъ племенъ и жило въ Оманѣ, омываемомъ волнами Персидскаго залива и Индійскаго океана. Аздиты оманскіе не были кочевниками-скотоводами, а занимались преимущественно рыбной ловлей и мореплаваніемъ. Благодаря близости ихъ къ персидскимъ владѣніямъ они подверглись въ значительной мѣрѣ персидскому культурному вліянію и отчасти смѣшались съ семитскимъ населеніемъ южной Месопотаміи, которое арабы называютъ набатейцами.

Вслѣдствіе всего этого чистые арабы-кочевники считали аздитовъ неизмѣримо ниже себя, презирая ихъ и за ихъ занятіе и за смѣшанную кровь и за уклоняющіеся во многомъ отъ чисто-арабскаго шаблона обычаи и нравы. Вотъ на этой именно струнѣ играетъ ал-Фараздакъ съ особеннымъ мастерствомъ въ занимающей насъ пьесѣ, въ каждомъ почти стихѣ указывая на какую-нибудь такую черту чисто-арабскаго кочевого быта, которая не знакома аздитамъ или же идетъ въ разрѣзъ съ бытомъ аздитовъ, почему они, пытаясь примѣняться къ ней, становятся смѣшными. «Когда я увидѣлъ» говоритъ онъ въ стихахъ 5 и 6 «какъ развѣваются бороды аздитовъ, надѣвшихъ на себя[1]) поводья послѣ канатовъ, вокругъ

---

1) قلّد значитъ, собственно, надѣвать что нибудь на шею или черезъ плечо. Весьма вѣроятно, что въ употребленіи этого глагола въ связи съ عنان = поводъ есть насмѣшка надъ неумѣлой верховой ѣздой аздитовъ. «Послѣ канатовъ» д-ра Х. очень затрудняло и онъ

оманца скверной породы — я удивился, и всякій, кто объ этомъ услышитъ, удивится». «Бороды набатейскія покрываютъ носы не арабскіе, а уста не успѣли объарабиться» (стихи 6 и 7). «Какъ же и могло быть иначе? Аздиты никогда не ходили на поклоненіе святынѣ въ Меккѣ, не почитали идоловъ въ долинѣ Минā; они никогда не выѣзжали въ бой на коняхъ, когда раздавался утромъ кличъ, а только въ желѣзными скобами скрѣпленной лодкѣ» (ст. 8 и 9).

Начиная же съ 10 стиха и до самаго конца пьесы поэтъ приводитъ бытовыя черты изъ жизни исключительно *женщины*, прибавляя каждый разъ, что аздитской женщинѣ все это незнакомо. Единственная цѣль пяти послѣднихъ стиховъ — доказать, что для аздитки все истинно арабское, бедуинское, чуждо, а слѣдовательно и нечего удивляться, если рожденные такой женщиной мужи — презрѣнные, смѣшные и жалкіе субъекты, которымъ не мѣсто въ порядочномъ арабскомъ обществѣ.

Тутъ нѣтъ рѣчи объ оцѣнкѣ указываемыхъ чертъ быта или характера съ какой нибудь стороны, кромѣ расовой или племенной. Не то важно, что данная черта сама по себѣ предосудительна или непредосудительна, а важно, что она — арабско-бедуинская. Опозореніе аздитовъ — и въ томъ числѣ и ал-Муhаллеба — получается отъ того, что аздитская женщина, какъ показываетъ незнакомство ея съ тѣмъ или другимъ обычаемъ, не бедуинка чистой арабской расы — и только. Поэтому, нечего искать въ этихъ стихахъ еще упрековъ за какія-нибудь непохвальныя съ общечеловѣческой точки зрѣнія черты, какъ-то скупость или трусость и т. п. Какъ ни часты такіе упреки въ другихъ случаяхъ, въ нашей пьесѣ они не играютъ никакой роли. Д-ръ X. не выяснилъ себѣ въ достаточной мѣрѣ эту сторону дѣла и поэтому въ своихъ объясненіяхъ иногда приходитъ къ весьма страннымъ выводамъ. Второе полустишіе 14 стиха говоритъ, н. пр., что аздитка никогда не перекочевываетъ изъ-за страха предъ вдругъ разбушевав-

---

наконецъ пришелъ къ выводу «dass die Schiffer *zu Land* die Taue um den Nacken trugen und dass بعد القلوس heisst: «nachdem sie die Taue zusammengerollt haben» (l. c. 603). Мнѣ кажется что поэтъ не имѣлъ въ виду такихъ подробностей, а словами بعد القلوس хотѣлъ только указать, что аздиты, привыкшіе возиться съ канатами, вдругъ взялись за поводья, и взялись неумѣло, надѣвъ ихъ на шею. Подъ канатами, впрочемъ, не слѣдуетъ понимать толстыхъ двухдюймовыхъ якорныхъ канатовъ, а веревки которыя служитъ для управленія парусомъ. См. фигуру рулевого, держащаго такія веревки въ рукахъ на миніатюрѣ Шеферовскаго списка макамъ ал-Харйрія воспроизведенной у P. A. van der Lith, Livre des merveilles de l'Inde, Leide 1883—86, p. 90—91. Кстати замѣчу, что эта-же миніатюра весьма поучительна для вопроса о «Mastkorb», возбуждаемаго д-ромъ X. на стр. 598 въ объясненіяхъ къ 8-му стиху первой пьесы. Хотя между временемъ ал-Фараздака и указанной миніатюрой и зіяетъ пропасть въ 500 лѣтъ, но все же есть всякое вѣроятіе, что лодки аздитовъ въ 1-мъ вѣкѣ гиджры были въ главныхъ своихъ основаніяхъ очень похожи на суда позднѣйшаго времени.

шимся потокомъ ручейка. Д-ръ Х. переводитъ полустишіе совершенно вѣрно «und nie wanderte sie aus, aus Furcht vor dem Reissen des Baches». Въ комментаріи же онъ съ множествомъ ссылокъ доказываетъ, (l. c. 606—7) что مذنب и سيل понятія противуположныя и затѣмъ дѣлаетъ глубокомысленное замѣчаніе: «Wie im Sprichwort سال بهم السيل. (Maid. ٢٣٣) سَيْل als etwas *Gefährliches* erscheint, so verbindet F. absichtlich سَيْل und مِذْنَب, um spöttisch zu sagen: Die Azditin führt kein Nomadenleben wie das Beduinenweib, *denn sie ist zu furchtsam und erblickt in jedem Bächlein einen gefährlichen Strom*[1]). Трудно себѣ представить болѣе полное непониманіе духа поясняемаго поэта! Не въ трусости упрекаетъ поэтъ аздитку; онъ только еще разъ подтверждаетъ ту же мысль, которою пропитана вся пьеса: Аздиты живутъ не такъ, какъ порядочные люди, т. е. арабы-бедуины, живутъ не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ только и могутъ жить порядочные люди, т. е. гдѣ приходится сниматься съ кочевья, когда вслѣдствіе сильнаго ливня въ горахъ вдругъ почти или совсѣмъ высохшее русло разбушевывается. Это явленіе наблюдается между проч. и въ сѣверно-западной Аравіи, въ кочевьяхъ той группы чисто-арабскихъ племенъ, къ которымъ поэтъ причисляетъ себя, и которыя, по его мнѣнію, стоятъ неизмѣримо выше жалкихъ полу-набатейскихъ рыболововъ-аздитовъ.

Точно такъ-же — въ предыдущемъ стихѣ, гдѣ говорится, что аздитка не зажигаетъ огня ночью, боясь, что «на огонекъ» явится къ ужину непрошенный гость, это не есть упрекъ въ скупости, какъ весьма часто въ древне-арабской поэзіи, а опять таки только подчеркиваніе все того же факта, что аздиты не живутъ въ условіяхъ бедуинскихъ, и не могутъ считаться порядочными людьми. И на столько проникнута вся пьеса этой единственной мыслью, что въ ней не осталось уже мѣста для какихъ-нибудь отдѣльныхъ, грязныхъ, бранныхъ выходокъ, которыя дѣлаютъ чтеніе большинства такъ наз. сатирическихъ стихотвореній арабскихъ, и тѣмъ болѣе переводъ ихъ, прямо невозможнымъ. Примѣры читатель найдетъ въ той же самой статьѣ д-ра Х. См. стр. 609 и 610. Если въ этомъ отношеніи наша пьеса выдѣляется изъ другихъ подобныхъ произведеній, и поэтому, пожалуй, не можетъ служить типическимъ примѣромъ сатирическихъ стихотвореній того времени, то она за то съ рѣдкой наглядностью рисуетъ намъ одну основную типическую черту эпохи, т. е. поистинѣ необузданную силу національнаго или лучше племеннаго арабскаго чувства. Безумная гордость кровнаго араба-кочевника,

1) Курсивъ мой. В. Р.

глубокое презираніе имъ всего чужого, неарабскаго, едва-ли гдѣ нашли себѣ болѣе рѣзкое выраженіе, чѣмъ въ занимающихъ насъ стихахъ ал-Фараздака. Что поэтъ въ своихъ насмѣшкахъ нѣсколько преувеличиваетъ, выдавая, напр. всѣхъ аздитовъ за рыболововъ — несомнѣнно, но это его неотъемлемое поэтическое право; онъ всѣ отдѣльныя черты собираетъ для выраженія единой мысли: все истинно арабское, все «чѣмъ живы» настоящіе арабы-бедуины, все что ихъ радуетъ и печалитъ, все это недоступно аздиту и аздиткѣ, все это имъ чуждо и невѣдомо: они не арабы, не бедуины, и, слѣдовательно, не настоящіе, полноправные, порядочные люди, а жалкіе людишки, достойные всякаго презрѣнія. И подобная ихъ аттестація, конечно, болѣе обидна и, поэтому, и болѣе цѣлесообразна, чѣмъ тѣ грязныя, бранныя слова, которыя поэтъ въ другихъ своихъ пьесахъ бросаетъ въ лицо ал-Мухаллебу и его роднымъ. Принимая во вниманіе все изложенное, мы въ затруднявшемъ д-ра X. полустишіи тоже должны ожидать указанія на какую-нибудь характерную черту быта бедуинскаго, недоступную или незнакомую аздиткѣ. Мы видѣли выше, что д-ръ X., при помощи оказавшейся филологически невозможной коньектуры и такого-же перевода, получилъ смыслъ «аздитка никогда не пила изъ кожи подойника», т. е. изъ кожанаго подойника. Но вѣдь изъ кожанаго подойника могутъ пить и не кочевники. Если аздиты въ массѣ своей и не кочевали со стадами въ степи, а сидѣли на побережьи или въ селеніяхъ гористаго Омана, то это не значитъ, что они совсѣмъ не имѣли скота. У нихъ несомнѣнно водились и овцы и особенно козы, хотя бы и въ небольшомъ количествѣ. Если же при томъ имѣть въ виду, что самый-то «подойникъ» явился лишь результатомъ совсѣмъ невозможнаго филологическаго эксперимента, и что, если даже и читать جوب перевести слѣдовало бы только «кожаное ведро» или «кожаный сосудъ», бурдюкъ, то будетъ ясно, что переводчикъ заставилъ даровитаго поэта сказать прямо нелѣпую вещь, идущую въ разрѣзъ не только съ контекстомъ, но и со здравымъ смысломъ. Бурдюкъ изъ козьей шкуры для аздитки не могъ не быть столь же знакомой и необходимой вещью, какъ для бедуинки бурдюкъ изъ верблюжьей кожи.

Другое дѣло при чтеніи حوب и отнесеніи къ нему эпитета معلَّب: «Аздитка не пила никогда изъ шкуры клейменаго верблюда», т. е. изъ бурдюка, сдѣланнаго изъ шкуры верблюда, отмѣченнаго тавромъ — *тамгой* ея рода. Значитъ, у ея семьи, у ея рода нѣтъ собственныхъ верблюдовъ, а нѣтъ ихъ по тому, что аздиты не кочевники, не знаютъ настоящей арабской жизни. Такимъ образомъ эпитетъ не только удаченъ вообще, но даже едва-ли не необходимъ, ибо благодаря ему это полустишіе не нарушаетъ гармоніи всего стихотворенія. И только первое полустишіе нашего стиха,

гдѣ говорится о томъ, что аздитка не страдала отъ болей обрѣзанія, не даетъ *намъ* сразу понять разницу между кочевой жизнью порядочной бедуинки и осѣдлой жизнью жалкой аздитки. Обрѣзаніе женщинъ — обычай широко распространенный на востокѣ, но что онъ именно у аздитовъ не соблюдался, знаемъ мы пока только изъ словъ ал-Фараздака. Для его современниковъ этотъ фактъ, конечно, былъ общеизвѣстенъ. — Передадимъ теперь для большей наглядности вкратцѣ[1]) содержаніе всѣхъ пяти стиховъ, въ которыхъ говорится о томъ, чего не испытала или не видѣла и не знала аздитка, въ противуположность порядочной бедуинкѣ:

10. Аздитка не испытывала болей обрѣзанія — не пила изъ бурдюка сдѣланнаго изъ шкуры клейменаго верблюда.

11. Къ ней не приходили охотники, для поднесенія ей собранныхъ въ степи яицъ и ягодъ — она никогда не ѣла верблюжьяго мяса выигранного при игрѣ въ мейсиръ.

12. Для нея рабыня никогда не разбивала бедуинской палатки на высокихъ кольяхъ.

13. Она не зажигала ночью огней, зазывая ими гостей — она не заставляла лаять своихъ собакъ ночью (для той же цѣли).

14. Къ ней не приходилъ собиратель грибовъ, чтобы предъ ней ихъ высыпать — она не перекочевывала, уходя отъ разбушевавшагося ручейка.

15. Къ ней не гналъ своего верблюда пастухъ, пасшій скотъ далеко отъ ставки, чтобы принести ей поскорѣе бурдюкъ съ молокомъ.

Послѣ такой характеристики аздитской женщины мы, также, уже не будемъ удивляться тому, что она рожала сыновей съ набатейскими бородами, неарабскими носами и устами никакъ не поддававшимися арабизаціи, надѣвавшихъ поводья себѣ на шею и вообще во всемъ своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ обликѣ выдававшихъ свое неблагородное, чужое происхожденіе и свое жалкое, презрѣнное ремесло.

Историческая справедливость вынуждаетъ насъ прибавить, что эти-же самые, жалкіе, полуарабскіе рыболовы, со своимъ умнымъ и храбрымъ предводителемъ во главѣ, сослужили чистокровному арабскому халифу хорошую службу, разбивъ и окончательно разсѣявъ дерзкихъ и опасныхъ бунтовщиковъ азракитскаго толка.

---

1) Не гоняясь за «буквальнымъ» переводомъ, мы подчеркиваемъ только основную мысль стиха, при чемъ иногда приходится выражаться многословнѣе ,чѣмъ подлинникъ а иногда сокращеннѣе.

5.

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторыя недоразумѣнія д-ра Х., которыя особенно бросаются въ глаза.

На стр. 596, въ объясненіяхъ къ стиху 3, авторъ обвиняетъ поэта въ томъ, что онъ подъ давленіемъ размѣра глаголу صرّر придаетъ значеніе его первой формы صرّ, тогда какъ по словарямъ صرّر значитъ только «vorangehen», говоря о верблюдицѣ [1]).

Обвиненіе несправедливо и ссылка на словари неправильна:

Въ словаряхъ дѣйствительно для صرّر дается значеніе تقدّمت. См. L. A VI ١٢٥, стр. 10: وصَرَّرَتِ الناقةُ تقدَّمتْ عن ابى ليلى قال ذو الرمّة الخ; T. A III 332, стр. 13—15 буквально тоже; Lane, IV 1671, столбецъ 3, къ **2** She (т. е. верблюдица) preceded (Aboo-Leylà, M. K.). Но вѣдь тѣже самые лексикографы для صرّر указываютъ еще и другія значенія, а именно 1) صرّر = جمّع L. A VI ١٢٢, l. 6—7 по Ибн-ал-Атīру [2]): وفى الحديث انه قال لخَصْمَيْنِ تقدَّما اليه أَخرِجا ما تُصَرّرانه من الكلام ايما تُجَمّعانِه فى صدوركما.

T. A III ٣٣٢, 3—2 a. f. وفى الحديث اخرجا ما تصررانه من الكلام ايما تجمعانه فى صدوركما.

Lane IV 1671, третій столбецъ въ концѣ صرّ I: ....And صَرَّرَ كلامًا he collected something to be said in his bosom, or mind (L and TA, from a trad.).

2) صرّر أُذُنَه = نصب أُذُنَه (о лошади): L. A VI ١٢٢, строки 11—12: صَرَّ اذُنه وصَرَّرَها اى نَصَبها وسوّاها الخ.

T. A III ٣٣٠, строка 26: وصرّ الفرس والحمار باذنه يصرّ صرًّا وصرها واصر بها سوّاها و نصبها للاستماع كصررها.

Lane IV 1671 صَرَّ أُذُنَه .....he (a horse, and an ass), straightened and erected his ear to listen; (M. K.), as also صَرَّرَهَا (TA).

3) Лексикографы, правда, не даютъ *глаголу* صَرَّرَ значеніе صَرَّ, т. е. перевязать صرار'омъ вымя верблюдицы, но приводятъ какъ синонимъ مصرورة

---

1) صَرَّرَ heiszt nach den Lexicographen nur «vorangehen» und zwar von der Kamelin. صَرَّ dagegen «das Euter mit dem Ṣirār versehen»..... Der Dichter wollte an unserer Stelle das Zubinden der Euter mit dem Ṣirār und das Verdecken der männlichen Scham mit Palmblättern in Vergleich bringen und gebrauchte unter dem Druck des Metrums für صَرَّ den II Stamm mit der denominativen (Vgl. Wright I 32 A) Bedeutung «mit (ب) dem Ṣirār versehen».

2) См. Булакское изд. النهاية II, 259.

т. е. верблюдицы, на вымя которой надѣтъ *сиāр*, причастіе страд. II-ой формы, т. е. مُصَرَّرَة. Lane IV 1671, третій столбецъ стр. 3 св. поэтому уже предположилъ, что صَرَّرَ имѣетъ м. пр. также и значеніе صَرَّ.

L. A VI ١٢١, строки 14—19: قال ابن الاثير من عادة العرب ان تَصُرَّ ضُرُوعَ الحَلُوبات اذا ارسلوها المَرْعَى سارحة ويسمّون ذلك الرِّباط صِرارًا فاذا راحَتْ عَشِيًّا حُلَّت تلك الاَصِرَّة وحُلِبَتْ فهى مَصْرُورة و مُصَرَّرَة و منه حديث مالك بن نويرة حين جَمَعَ بنو يَرْبُوع صَدَقاتهم ليُوَجِّهوا بها الى ابى بكر رضه فمنعهم من ذلك وقال

وقُلْتُ خُذُوها هذه صَدَقاتكُمْ * مُصَرَّرَة اَخْلافُها لم تُحَرَّدِ
سَأَجْعَلُ نفسى دُونَ ما تَحْذَرُونه * وأَرْهَنُكُمْ يَوْمًا بما قُلْتُه يَدى

..... وصَرَّ الناقة يَصُرُّها صَرًّا وصَرَّ بها شَدَّ ضَرْعَها الخ

T. A III ٣٣٠, строки 22—25 даетъ ту же цитату изъ Ибн-ал-Атīра, но безъ ссылки на него, и въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что صَرَّرَ употреблялось также какъ и صَرَّ въ указанномъ спеціальномъ значеніи, хотя и рѣже, и едва-ли удастся д-ру X. доказать, что нашъ поэтъ первый, «подъ давленіемъ размѣра» употребилъ эту форму.

На стр. 598, въ объясненіяхъ къ 7-ому стиху д-ръ X. замѣчаетъ: «دَلِيلِى, Nebenform von دَلِيل (L. A XIII 264) ist von Boucher arg verkannt....».

Boucher, принявшій دَلِيلِى за слово, снабженное мѣстоименнымъ суффиксомъ 1-го л., конечно сдѣлалъ крупный промахъ, но и нашъ авторъ не безъ грѣха! Онъ обогатилъ арабскую грамматику совершенно невиданной формой فَعِيلِى какъ «Nebenform» къ فَعِيل, приписалъ это открытіе арабскому лексикографу и — лишній разъ доказалъ какъ внимательно онъ относится къ своимъ источникамъ!

Д-ръ X. ссылается на L. A XIII 264 (стр. 6 снизу), но тамъ сказано والدَّلِيل والدِّلِّيلِى الذى يَدُلُّك. L. A такимъ образомъ какъ «Nebenform» къ دَلِيل даетъ دِلِّيلِى, а эта форма, изъ-за метрически долгаго слога *dill* разрушаетъ размѣръ нашего стиха, почему о ней и рѣчи здѣсь не можетъ быть.

Въ добавокъ въ это мѣсто въ L. A вкралась досадная опечатка: *кэсра* послѣдняго слога должна быть замѣнена *фатхой*. Формы *dillīlī* нѣтъ въ арабскомъ языкѣ, есть только *dillīlā*. И если бы д-ръ X. заглянулъ еще и въ T. A, то онъ нашелъ бы, что *dillīlā* есть Nebenform къ *dalīl* въ смыслѣ масдара دلالة, а не къ *dalīl* въ смыслѣ دالّ и что L. A, слѣдуя ас-Сахāху, ошибся, какъ и нѣкоторые другіе арабскіе лексикографы. Форма эта, впрочемъ, будучи масдаромъ, могла бы быть употреблена и какъ اسم الفاعل. Все это въ сущности изложено и у Lane, III 901 s. v. دليل, دِلالة, دِلِّيلَى. Но я здѣсь всетаки приведу слова T. A для тѣхъ, кто не имѣетъ текста подъ рукой. T. A VII ٣٢٤, строки 20—23. .... والدليلى كخليفى الدلالة ونص المحكم والاسم الدلالة والدلولة والدليلى وفى التهذيب قال ابو عبيد الدليلى من الدلالة او هو علم الدليل بها ورسوخه فيها قاله سيبويه[1]) وقول الجوهرى الدليلى الدليل سهو لانه من المصادر قال شيخنا وقد صرح به ايضا غير الجوهرى ونوقش بما اشار اليه المصنف وهو غلط محض فان غاية ما فيه انه مصدر كما قال والمصدر يستعمل بمعنى اسم الفاعل كاد ان يكون قياسا كاستعماله بمعنى اسم المفعول.

Но если دَلِيلِى не есть «Nebenform» къ دَلِيل и не есть это-же слово دليل съ суффиксомъ 1 л. какъ думалъ Boucher, то что-же оно такое? Мнѣ немножко совѣстно объяснить это д-ру X. — это множество правильное въ род. падежѣ, съ усѣченнымъ изъ-за слѣдующаго за нимъ опредѣляющаго его слова окончаніемъ[2]). И переводъ д-ра X.: «Einer von denen, die über ihren Bärten Gürtel tragen, (ist) der nächtliche Führer auf den weiten Meeresfluten», долженъ былъ бы гласить такъ ..... (einer von) den nächtlichen Führern.....

На стр. 596, объясняя слово الحَبْلِىّ д-ръ X. очень затрудняется имъ, останавливается на словахъ L. A XIII 149 الحَبْل موضع بالبصرة и затѣмъ, хотя и съ вопросительнымъ знакомъ, рѣшаетъ, что الحَبْل былъ однимъ изъ кварталовъ города Басры: «Der Dichter will also sagen: Wenn die Azditen Schiffe rudern, so gleichen sie mit ihren grossen Hoden den Ziegenböcken des Stadtviertels (?) al-Ḥabl....»

---

1) Cp. Le livre de Sibawaihi.... publié par H. Derenbourg, II 241,4—5, Sibawaihi's Buch über die Grammatik..... von G. Jahn, II 569,8, 438 и ср. еще Ibn Jaʿîś Commentar.... ed. G. Jahn, I, 814,9, 13, W. Wright, A Grammar of the ar. language 3 ed. I 115, § 202 C 7, Ibn Sîda, al-Muḫaṣṣaṣ XII 35, строк. 4 и XVI 4, строк. 17—18.

2) Въ только-что полученной мною новѣйшей книжкѣ ZDMG. 59, p. 833 S. Fräenkel уже сдѣлалъ это самое указаніе.

Текстъ гласитъ:

٣ (كَأَنَّ خُصَاهُمُ) . . . .

٤ اذا جَدَفوا السَفِينَ خُصَى تُيُوسٍ * من الحَبْلِىّ ذى الشَعَرِ القِصَارِ

а переводъ нашего автора:

Wenn sie die Schiffe rudern, (sehen ihre Hoden aus wie) Hoden von Ziegenböcken, desjenigen[1]) von al-Ḥabl, mit den kurzen Haaren.

Что подъ الحبلى поэтъ разумѣлъ какую-то породу козловъ, д-ръ X. доказываетъ, ссылаясь на Хоммеля, Säugetiernamen 233 A. 2, тѣмъ, что شعر спеціально употребляется о козьей шерсти, а въ стихѣ стоитъ ذى شعر какъ эпитетъ къ загадочному الحبلى. Читатель легко замѣтитъ, что въ стихѣ эпитетъ имѣетъ нѣсколько другой видъ: тамъ стоитъ ذى الشعر القِصار, т. е. съ *короткими* волосами или съ *короткой* шерстью, и вотъ этотъ то эпитетъ могъ бы навести автора на настоящее значеніе затруднявшаго его слова. Что о какихъ-то козлахъ идетъ рѣчь, ясно само собой благодаря предыдущему تيوس къ которому من الحبلى поставлено для болѣе точнаго опредѣленія. Слѣдовало бы только установить какого рода козлы отличаются *короткими* волосами, *короткою* шерстью. Чтобы такимъ качествомъ отличались именно козлы одного квартала города Басры само по себѣ весьма мало вѣроятно, и не подтверждаются никакими источниками, такъ что нашъ авторъ былъ правъ, поставивъ свой вопросительный знакъ. Ларчикъ открывается чрезвычайно просто: поставьте подъ первую букву загадочнаго الحبلى точку и Вы получите الجَبَلِىّ = горный. Горный козелъ التيس الجبلىّ или الوَعِل (см. ad-Damīrī II 473 v. وعل), *Capra beden* (G. Jacob, Altarab. Beduinenleben, 2-te Aufl. Berlin 1897, p. 117), отличается густой, *короткой* шерстью; см. C. M. Doughty, Travels in Arabia deserta I, 613: «. . .there J saw also a bédan-buck. This robust wild goat of the mountain. . . . The beast is of greater bulk and strength than any he-goat, with thick short hair; his colour purple ruddle or nearly as that blushing before the sunset of dark mountains». — Чтеніе الجبلى дѣйствительно находится въ вообще довольно скверномъ булакскомъ изданіи дивана ал-Фараздака, которое впрочемъ особенной авторитетности не можетъ имѣть[2]).

---

1) Не опечатка-ли? Или-же это доведенное до абсурда «буквальность», чтобы передать единств. число الحَبْلِىّ?

2) См. о немъ ZDMG. 31, 696.

На стр. 599, въ 12-мъ стихѣ поэтъ, браня ал-Муhаллеба и аздитовъ называетъ родину ихъ страной разврата, въ которой дѣвушки играютъ съ мужчинами больше чѣмъ слѣдуетъ, почему никто въ точности не знаетъ, кто его отецъ. Эту мысль поэтъ выражаетъ такъ:

بِلَاد لا يَعُدُّ بها غُلامٌ له أَبَوَيْنِ مُغْزَلَةُ الجَوارِ

Д-ръ X. переводитъ:

> Länder, in denen kein junger Mann zwei Vorfahren von sich aufzählen kann, wo sich die Mädchen hofieren lassen.

«Zwei Vorfahren» конечно возможный переводъ, но все-же непонятно, почему д-ръ X. не предпочелъ обыкновеннаго значенія двойств. ч. отъ слова اب, т. е. родители. Къ слову مُغْزَلَة нашъ авторъ замѣчаетъ на стр. 600: «مُغْزَلَة ist an unsrer Stelle soviel wie أَرْض الغَزَل (nach Wright, Gramm. I 148 Bb) «Land, wo man den Frauen schön tut». Д-ру X. положительно не везетъ на цитаты. Во *первыхъ* надо читать не I 148 Bb, а I 148 Cb, и во *вторыхъ* въ указанномъ мѣстѣ идетъ рѣчь совсѣмъ не объ «именахъ мѣста и времени», а о такъ называемыхъ «nomina abundantiae vel multitudinis», и спеціально въ прим. *b* говорится: Sometimes the fem. participle of the fourth form is used in this sense, with or without أَرْض, такъ что д-ръ X., если онъ руководствовался этимъ примѣчаніемъ, долженъ былъ вокализовать مُغْزِلَة, а не مُغْزَلَة; если же онъ руководствовался параграфомъ *B*, то долженъ былъ вокализовать مَغْزَلَة. Послѣдняя форма и есть настоящая и, объясняя ее, можно было бы для украшенія ссылаться на Wright, Grammar I 128 C хотя, конечно, она не требуетъ ни объясненія, ни ссылокъ на грамматику.

На стр. 621, ст. 5 д-ръ X. намъ сообщаетъ, что онъ чтеніе рукописи ظُلامَتنا измѣнилъ въ ظُلامَتنا, но онъ забылъ сказать, что онъ *рукописное* تَحْسَبَنَّا измѣнилъ здѣсь въ негодное تَحْسَبَنَّ. Вслѣдствіе этого у него получился совсѣмъ неудачный переводъ:

> Glaube ja nicht, die Unbill wider uns sei für den Feind und den, der sie wünscht, Fett, das schmilzt und fliesst!

S. Fränkel въ ZDMG. 59, 833 уже исправилъ эту ошибку д-ра X. по смыслу, не справившись съ фотографическимъ воспроизведеніемъ рукописи. Что же касается послѣднихъ словъ стиха, то д-ръ X. какъ будто несовсѣмъ

вѣрно понялъ слова يذوب إهَالُها Fett, das schmilzt und fliesst. Тутъ нѣтъ ни двухъ глаголовъ, ни глагола и *масдара*, а есть глаголъ يذوب и существительное إهَال не упоминаемое въ словаряхъ, которые знаютъ только إهالَة. Поэтъ очевидно позволилъ себѣ нѣкоторую вольность[1]), отбросивъ окончаніе, и это слѣдовало бы отмѣтить въ объясненіяхъ, вмѣсто того, чтобы полемизировать съ Фрейтагомъ. Полемика вдобавокъ неудачна, ибо Фрейтагъ несомнѣнно переводитъ пословицу سرعان ذا إهالة совершенно согласно съ толкованіями арабскихъ лексикографовъ. См. Lane, 1350 столб. 1 подъ сл. سرعان, T. A V 377, l. 22—26. Нельзя, правда отрицать, что въ пословицѣ можно истолковать إهالةً какъ *масдар* отъ أَهَالَ, по аналогіи съ выраженіемъ سرعان ذا خروجًا, но какое изъ двухъ толкованій вѣрнѣе — большой вопросъ и Фрейтагъ имѣлъ полное право держаться того, которое онъ нашелъ въ своемъ источникѣ; поэтому обвинять его за то, что его переводъ «ungenau» нѣтъ никакого основанія. Въ стихѣ-же поэта по нашему мнѣнію возможно только одно толкованіе, выше нами предложенное.

Неувѣренъ я въ правильности толкованій д-ра Х., еще и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: стихи мѣстами кажутся мнѣ очень темными и текстъ, быть можетъ, кое-гдѣ требуетъ исправленія. Но я въ настоящей замѣткѣ хотѣлъ только указать на совершенно неоспоримыя недоразумѣнія.

Бар. В. Розенъ.

Май 1906.

О рѣдкой китайской монетѣ XVII вѣка.

Лѣтомъ текущаго года мнѣ удалось увидать въ частной коллекціи китайскую монету, о которой уже писали г. Wylie и г. Bushell. Къ сожалѣнію, ихъ замѣтки страдаютъ нѣкоторою неточностью. Mr. Wylie относитъ монету къ XVII в., не упоминая точной даты и не приводя надписи на монетѣ (Journal of the Shanghae Literary and Scientific Society, 1858, p. 46), тогда какъ Mr. Bushell даетъ снимокъ монеты (China Re-

---

1) Впрочемъ вполнѣ закономѣрную, такъ какъ إهالة столь-же несомнѣнно есть «имя единичности» отъ إهال какъ شحمة отъ شَحْم. Но ввиду того, что форма إهال не приводится въ словаряхъ слѣдуетъ полагать, что она была неупотребительна.